

16+

Борис
КНИГА 2
ЗА МОЮ
ЛЮБОВЬ
МАРИЯ МАНИЧ

Мария Манич
Борись за мою любовь
Серия «Прости за любовь», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68322461

SelfPub; 2022

Аннотация

Я возвращаюсь в город своего детства, чтобы провести время с семьей, и неожиданно сталкиваюсь с главным человеком из прошлого. Когда-то я любила Кирилла Морозова больше жизни. Тихо стояла в стороне и не надеялась на взаимность. Получив желаемое, долго не могла довериться и рискнуть быть счастливой. Мы не виделись почти три с половиной года. В нашу последнюю встречу он разбил мое сердце и, хорошенько потоптавшись на осколках, исчез. Меня больше не трогает холод его глаз и не манит изгиб губ. Я отсекала свои чувства, найдя тихую гавань с другим. Я больше не люблю Кирилла, только он с этим категорически не согласен.

Содержание

1 Глава	4
2 Глава	13
3 Глава	28
4 Глава	36
5 Глава	52
6 Глава	64
7 Глава	78
8 Глава	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Мария Манич

Борись за мою любовь

1 Глава

*Ты скажешь мне: "Никогда", но никогда не поздно.
Джарахов – Я в моменте.*

– Пап, я приземлилась! – Прижимаю телефон к плечу и беру тяжелый чемодан с багажной ленты. – И багаж уже получила.

Ставлю его на колёсики перед собой и скептически оглядываю снизу вверх. Он огромный и практически неподъёмный. Пожалуй, я погорячилась, взяв столько вещей всего на два месяца.

– Очень хорошо, Даша. Ждём.

– Пап, Алёнка не слышит тебя? – понижаю голос до заговорщически тихого, как будто сестра может оказаться в шумном международном аэропорту вместо своего праздника.

Не хочется испортить ей сюрприз. Ведь ради неё я пролетела половину Европы и оказалась в родном городе, из которого уехала несколько лет назад...

Не каждый день тебе исполняется десять лет, поэтому мы с отцом и мачехой решили сделать Алёне такой подарок в

виде меня, являющейся на её праздник сразу из аэропорта. Ещё утром сестра получила от меня видеопоздравление из Франкфурта и курьера с подарком под дверь. А сейчас, спустя каких-то восемь часов, я уже готова сделать последний рывок и оказаться на пороге загородного дома своего отца.

Он предлагал меня встретить. Очень настойчиво. Я отказалась. Возьму такси и буду смотреть в окно, изучать, как изменились родные места. Я выросла в городе N. Была здесь счастлива и не очень. Последний год жизни здесь дался мне тяжело. Но потом за моей спиной снова расправились крылья, которые когда-то мне подрезали.

Долго жившая в моей душе обида угасла. Обида на человека, причинившего мне столько боли, и на место, где это произошло.

Три года – это много или мало для того, чтобы забыть любовь всей своей жизни и начать жизнь с чистого листа?

– Нет, конечно. Я на кухне, а она в саду, с гостями, – устало говорит папа, и я представляю, как он смахивает капельки пота со лба. – У них там анимация, шарики, еда и всё остальное. Я там совершенно лишний человек!

– Прячешься? – Не могу сдержать улыбку.

Папа – большой тучный мужчина, бизнесмен и суровый руководитель десятка человек – сейчас оказался в буйстве розового цвета и единорогов. Толпа десятилеток разносит его дом, а он кажется весьма спокойным.

– Можно сказать и так. Перевожу дух. Тут пятнадцать де-

вочек примерно одного возраста, и, судя по прибывающим гостям, это ещё не предел, – спокойно произносит отец, а потом говорит в сторону: – нет, в этом стакане не яблочный сок, Люда. Поставь на место и отойди.

Прощаюсь и, нажав отбой, выхожу на улицу. Там накрапывает мелкий весенний дождик, и я втягиваю воздух полной грудью.

Я дома.

Мне было хорошо в Германии. Адаптации после переезда я почти не ощущала. Единственный дискомфорт доставляло слабое знание языка, но и его я со временем подтянула. Во Франкфурте, где по контракту работал мой отчим, остались мама и мой маленький полуторагодовалый брат Алекс. Мама была ужасно смущена, когда пришла ко мне с этой новостью, зажав тест на беременность в кулаке. А я была очень рада. Я уже выросла, и ей явно не хватало ещё одного маленького человечка, о котором можно было заботиться, которого можно было целовать в макушку.

– Скоро буду. Целую.

Сбрасываю звонок и загружаю приложение такси.

В Германии остались не только моя семья, друзья и знакомые, но и Фил. Это расставание дается мне труднее всего. В груди тянет тяжелым грузом, когда думаю о своем русском немце. Аэропорты и самолеты – это наше место, и сейчас мне его особенно не хватает.

Он больше никогда не сможет полетать со мной, но остал-

ся ждать меня в нашей немецкой квартире. И я обязательно к нему вернусь.

– Привет, малышка. Как дела?

Филипп обожает аудиосообщения. Мурашки бегут по телу от его приятного баритона, и я на мгновение жмурюсь, представляя, что он рядом. Сидит со мной на заднем сиденье такси и травит свои шутки, обычно от смеха рядом с ним у меня начинают болеть ребра. Это ведь так легко представить, если забыть о расстоянии, времени и просто насладиться его голосом.

– На работе полный бардак. Хочу быстрее оказаться рядом с тобой.

Улыбаюсь.

Два месяца – самое долгое наше расставание с того самого момента, как почти три с половиной года назад мы оказались соседями в самолете.

Мой лучший попутчик. Мой лучший друг. Самый замечательный человек из всех, с кем я была знакома.

Иногда судьба что-то забирает у нас, а потом неожиданно щедро одаривает.

Фил – мой дар.

С Филиппом Ламсом мы познакомились в день моего отлета из России.

Три года назад моё сердце было разбито на миллионы мелких осколков. Моральная боль была настолько сильная, что

начала перерастать в физическую, и мне казалось, я начинала сходить с ума. Вдали от дома, в другой стране, должно было стать легче, но не становилось. Было слишком много одиночества, особенно ночами. Тогда в мою голову лезли самые разные мысли, зачастую ничем хорошим они не заканчивались.

Мне очень помог со всем этим справиться мой новый знакомый. Его жизненная философия была мне близка, его шутки меня смешили, а то, что на внешность он был просто красавчик – так, маленький приятный бонус.

“Привет, Фил. У меня всё в порядке. Уже в такси. Здесь капает дождь и пахнет маем. Скучаю.”

Наши переписки выглядят странно. Его аудиосообщения и мои эсэмэски. Я не люблю свой голос в записи, поэтому по старинке пишу ему сообщения, стуча пальцами по экрану телефона. Отправлено. Не доставлено.

Убираю телефон в карман толстовки. Рукавом протираю запотевшее стекло и смотрю на улицу.

– Пятница. Пробки, – бормочет дяденька-таксист.

– Если свернуть направо, то можно объехать по короткой дороге, – говорю я, а потом быстро исправляюсь: – раньше можно было.

– Кхм, – кряхтит водитель, устраиваясь на сиденье поудобнее и бросает на меня взгляд через плечо, – давно в городе не были? Там сейчас торговый центр построили вместо дороги, проезда больше нет.

– Давно, – соглашаюсь я и возвращаюсь взглядом к окну.

Возможность приехать всегда была. Но больше сюда не тянуло. Жизнь в Германии закрутилась, завертелась, взяла в оборот. Прошрое поблекло, а настоящее заиграло красками новых возможностей.

Машина трогается слишком резко, отчего я валюсь на дверь и больно ударяюсь лбом об стекло.

– Ай, – шиплю я и в панике хватаюсь за дверную ручку.

Мне казалось, я перестала бояться машин и дорог. Уже точно не впадаю в истерику при виде автомобилей. Паника ещё присутствует, но, в основном, когда за рулем едет кто-то из близких. Иногда могу даже сесть на переднее сиденье. Всегда пристегиваюсь и никогда не позволяю себе заснуть в машине. Я чувствую себя не очень комфортно, потому что машины похожи на консервные банки на колесах, которые в любой момент можно смять.

– Ямы, – невозмутимо отвечает таксист, надавливая на педаль газа.

Мы наконец-то минуем светофор, который нас тормозил.

Дом отца находится в черте города. В закрытом коттеджном поселке не для среднего класса. У них здесь огромная охраняемая территория и закрытый въезд, на котором долго проверяют номер машины и к кому мы приехали.

Родители развелись, когда мне было десять лет. С тех пор у отца другая семья. Молодая жена и две дочери. Мы почти не общались, когда я жила с ними в одном городе, но стоило

уехать, и семейные связи наладились. Может быть, и верно утверждение, что родственников нужно любить на расстоянии?

У ворот машину встречает отец.

– Даша! Выросла-то как!

Я смеюсь, потому что последние лет шесть мой рост не меняется.

Мы крепко обнимаемся, и он целует меня несколько раз в щёки. Помогает достать мой багаж и пакет с подарком для Алёнки.

– Приготовься, сейчас заложит уши, – говорит папа и толкает входную дверь плечом.

Он не шутит. Визг стоит такой, что меня на секунду оглушает, а потом сносит с ног Алёнка.

От неожиданности плюхаюсь на пол и сестра вместе со мной. Визжит, целует и обнимает.

Я смеюсь, запрокинув голову.

– Сюрприз, мелкая!

– Офигенный сюрприз! Мама-а-а-а-а, Даша приехала!

– Я ещё и подарок привезла, – говорю я, кивая на валяющийся рядом с нами пакет.

– Вау!

Интерес ко мне уже утерян. Алёнка с головой нырнула в подарочный пакет.

Я здороваюсь с мачехой и вручаю ей подарки из дюти-фри: духи и конфеты. Отцу достаю из чемодана пакет с

колбасками и сыром, он радостно размахивает провиантом и удаляется на кухню, в свое убежище.

Взмахом руки приветствую толпу детей и оборачиваюсь в поисках второй младшей сестры, Юли. Вместо этого натыкаюсь на серьезный взгляд темноволосой девочки. Она рассматривает меня с любопытством, с ног до головы, задерживаясь на моих волосах, которые едва касаются плеч. Она кажется мне знакомой, но я сразу не могу понять, где могла её видеть. Она приветливо улыбается мне и уносится с другими детьми вглубь дома.

Я тут же о ней забываю.

– Младшую куда дели? – спрашиваю у Люды, жены отца.

– Юлька не выдержала накала страстей и уснула, – отвечает она, – идём на кухню, покормлю тебя.

– Не-е-ет, – вмешивается Алёнка, дуя губы, и виснет на моей руке, – пойдём с нами, Даша! Скоро будет торт! Я тебе покажу все-все подарки!

– Руки помою и приду! – обещаю я.

Постепенно все расходятся из прихожей, а я немного мешкаю. Вешаю джинсовку в шкаф. Задвигаю чемодан в угол. Сбрасываю кроссовки и подхожу к зеркалу.

В дверь звонят, но в доме стоит такой шум и гам, что слышу трель звонка только я.

Устало вздыхаю и дергаю ручку на себя.

Замираю, парализованная шоком. У меня начались при-

ходы от таблеток? Как такое возможно? Что *ему* здесь делать?

– Привет, – говорит Кирилл, его брови удивленно приподнимаются, копируя движение моих, – Даша?

2 Глава

Кирилл Морозов.

Мое наваждение.

Моя сердечная боль, мучившая меня долгие семь лет.

Собственной персоной, в расстёгнутой чёрной косухе, с падающими на лоб растрёпанными темными волосами, стоит на пороге дома моего отца. Почти не изменился. Лицо чуть заострилось, приобретя более мужественные черты. Раздался в плечах и стал, кажется, выше.

Какого...?

Смотрим друг на друга в недоумении. Он в не меньшем шоке, чем я.

Морозов тоже меня рассматривает. Скользит взглядом с головы до ног и обратно. На мне удобные джинсы, с дырками на коленях, и растянутый свитшот оверсайз. Ничего особенного, я только из аэропорта.

– Ты? – спрашивает он.

– Привет, – говорю я.

Произносим одновременно и замолкаем, снова принимаюсь играть в гляделки. На этот раз глаза в глаза. Сколько мы не виделись? Почти три с половиной года. В нашу последнюю встречу он разбил мне сердце и, хорошенько потоптавшись на осколках, исчез.

Даю себе мысленную затрещину за промедление и опускаю

каю взгляд. Нечего паянаться.

У него белые кроссовки. Точно такие же, как были у Фила.
– Я за Оленькой приехал, – первым прерывает молчание Кирилл.

Поднимаю голову.

Не сразу понимаю, о ком он.

А потом до меня доходит.

Та девочка... Оля. Его младшая сестра. Получается, она узнала меня первой.

Господи, я уже и забыла, какой маленький этот город. Все друг друга знают. Просто так не спрятаться, не скрыться... Только сошла с самолета и вот... здравствуй, моё проклятое прошлое. Когда там у меня обратный вылет? Кошусь на свой нераспакованный чемодан, стоящий прямо за дверью.

– Я рано? – спрашивает Морозов и переводит быстрый взгляд за мою спину, в доме творится какое-то детское безумие, потом возвращается обратно к моим глазам. – Ладно. Подожду её в машине. Скажи ей, что я здесь. Она не отвечает на мобильный.

Захлопнуть бы сейчас дверь прямо перед его смазливym лицом и постараться стереть себе память от этой встречи.

Я беру себя в руки. Мысленно считаю до десяти и улыбаюсь. Я его больше не люблю, он не сделает мне больно. Бояться мне нечего, нужно привыкать сталкиваться со своими бывшими страхами лицом к лицу. Трудно сделать больно человеку, который больше не боится боли. Сложно начать что-

то чувствовать, когда внутри всё мертво. Выжжено. Истлело. И даже если не он причина этого пепелища, это больше не имеет значения .

– Дети сейчас заняты, им не до телефонов, – пожимаю плечами и отступаю, приглашая Кирилла зайти внутрь. – Заходи. Скоро будет торт.

Морозов неуверенно мнётся на пороге.

– Закрой дверь с той или с этой стороны, – говорю я и отворачиваюсь.

Меня ждет Алёнка, где-то наверху спит тёплая малышка Юля. На кухне гремит сковородками Люда, и отец громко смеётся над её шутками. До Морозова мне нет никакого дела. Почему-то я уверена, что он не потеряется и найдет, чем себя занять. Ведь в этом доме он явно не первый раз.

Между лопаток покалывает, я и не думаю оборачиваться. Пусть смотрит.

Сердце стучит ровно. При виде Кирилла оно никуда не провалилось. Пол под моими ногами цел и невредим, и мне даже не хочется сбежать.

Всё не так страшно, как я себе выдумывала.

Конечно, я представляла себе нашу новую встречу. Миллионы раз. Я всегда в этот момент была не одна. Мне казалось, будет идеально, если Кирилл увидит меня с Филиппом. Посмотрит, как я счастлива. В конце концов я научилась жить без него.

Заворачиваю за угол, прижимая холодные ладони к ще-

кам, выдыхаю и дергаю на себя дверь в ванную.

Мою руки под прохладной водой и освежаю лицо.

Достаю телефон из заднего кармана джинсов и открываю сообщения от Фила. Проматываю пальцем ленту вверх и тыкаю в первое попавшееся голосовое.

– Люблю тебя. Да-ша, я тебя люблю, – смешно растягивая слова, поёт Филипп.

– Даша! – кричит Люда с кухни, и я поторапливаюсь. – Где ты застряла?

– Там в дверь позвонили. Я открыла, – говорю я и забираюсь на высокий барный стул около кухонного острова.

– Кто пришёл? – хмурится мачеха, поглядывая на телефон. – С охраны никто не звонил.

– Морозов. Кирилл.

– Ааа. Рано он. Оля не захочет уходить. Вы знакомы? Хороший мальчик.

Поднимаю глаза к потолку.

За что, Господи?

– В одной школе учились, – бросаю как можно нейтральнее, – он старше на два года.

– А я с его матерью в одном классе была. Такая драма. Так резко ушла, совсем молодая. Сгорела как спичка от рака. Слышала эту историю? – Жена моего отца ставит передо мной пустую тарелку и накладывает, по моему мнению, слишком много еды, не переставая при этом тараторить. – Отец-то его горевал недолго. Нашёл в одноклассниках свою

первую любовь и почти два года как живет с ней в Беларуси. Ольку на Кирилла оставил, девчонка с характером, уезжать отказалась... Вот они вдвоём только и остались. Мы иногда к себе с ночевкой девочку берём.

– Эй! – возмущаюсь, пытаюсь остановить поток слов ма- чехи и выкладку еды мне на тарелку. – Я столько не съем. Ты мне лучше расскажи, как у вас дела. Я сплетни не очень люблю, тем более не слишком близко знакома с семьей Морозовых.

Вру и не краснею. В первый день приезда мне не хочется слушать, как жил Морозов все годы, пока я была в Германии. Достаточно того, что он сейчас находится в том же доме, что и я.

Вздыхнув, отправляю в рот полную ложку и медленно жую. Замечаю движение в дверях кухни и инстинктивно поворачиваю голову туда. Пусто. Только детские визги и смех раскатами грома проносятся по дому.

– Боже, храни детскую анимацию, – говорит Люда, она перестает передо мной суетиться и садится на стул напротив, подперев лицо ладонями. – Ну, как ты? Рассказывай.

– Что рассказывать? – Оглядываюсь на дверь ещё раз, кроме удаляющейся спины отца, там никого нет, – у меня всё нормально.

“Нормально” – моё любимое слово. Когда не хочешь отвечать подробно, просто скажи, что у тебя всё “нормально”, без подробностей. Зачастую люди перестают задавать

наводящие вопросы и переключаются на рассказ о себе. Это удобно.

– Очень содержательно, – цокает языком Люда, – Когда мы последний раз виделись? Летом?

С Людой этот проверенный способ даёт сбой. Люда мне нравится, но иногда её бывает слишком много. Вот прям как сейчас.

Может быть, в начале их отношений с папой я и была настроена на её счёт скептически. Зато сейчас, спустя годы их брака, знаю, что могу прийти к ней с любым вопросом. Может быть, она слишком эмоциональна, чересчур болтлива, но слушать она всегда умела.

Сейчас мне нечего ей рассказать. Она знает всё!

– Мы созваниваемся по несколько раз в неделю, – произношу устало.

– Это не то, – отмахивается от меня она.

– Не согласна. Вы всегда в курсе моих событий, а я ваших. Люд, что ты начинаешь-то? – хмурюсь я.

Мне не хочется её обижать, но после шести часов полёта и нескольких часов дороги не хватает спокойствия и тишины. Сделать это в доме, где носится толпа детей, и так трудно. А от меня ещё ждут участия в этом празднике жизни. Мы обязательно с ней поговорим позже. Когда она уложит детей спать, а отец найдёт себе интересную книгу на вечер.

Люда у меня что-то вроде старшей подруги или сестры.

– У Алёны соревнование в следующую субботу, – быстро

меняет тему жена моего отца, – ей будет приятно, если ты придёшь.

– Конечно, я приду. У меня нет никаких особых планов, я приехала уделять внимание вам, – улыбаюсь и тянусь к бокалу с соком.

Звонки, особенно с видеосвязью, спасают отношения на расстоянии. Не знаю, как люди раньше писали друг другу только письма, которые шли до адресата по несколько месяцев.

Отправляю очередную ложку в рот и бросаю взгляд на телефон.

Новых сообщений нет.

Не знаю, чтобы я делала в Германии первое время без постоянных онлайн-бесед со своими лучшими друзьями. Мы могли всю ночь просидеть в zoom. Смотрели совместно фильмы, отмечали праздники и даже засыпали в обнимку со своими ноутбуками, планшетами и телефонами. А потом утром вместе чистили зубы, кривляясь в камеру.

Хорошее было время, хоть и трудное.

Иногда я чувствую, что мне не хватает этих видеочатов. У всех теперь своя жизнь.

Для кое-кого мой приезд тоже будет сюрпризом. Не терпится сделать фотографию напротив нашей школы и отправить её Машке Ивановой. Вот она удивится.

– Дашка, Алёна тебя потеряла. – Возвращается на кухню отец, опускает широкую ладонь мне на голову и успокаива-

юще гладит, прям как в детстве. – Люд, там торт просят, организуй, пожалуйста.

– Иду, – киваю ему.

Еда на тарелке осталась почти нетронутой, и надеюсь, никто этого не заметит.

– Торт! Точно! – Вскрикивает Люда. – Даша, поможешь мне его вынести? Алёна будет рада. Там у нас фотограф вроде ещё не ушёл. Щёлкнем вас пару раз. В общем, ты пока иди, я тебя потом позову.

Я иду в гостиную на поиски своей именинницы.

Вся мебель сдвинута ближе к стенам, а по центру расположен иллюзионист и показывает девчонкам фокусы. Алёнка стоит в первых рядах, раскрыв рот в восхищении.

Подхожу к ней сзади и кладу руки на плечи. Она поднимает голову и радостно улыбается. Рядом с ней стоит Оля Морозова, она с любопытством на меня поглядывает. Я ей подмигиваю, и девочка, смутившись, опускает взгляд.

Чувствую, как начинает покалывать щеку, и оборачиваюсь.

Натыкаюсь взглядом на Кирилла Морозова. Он, сложив руки на груди, привалился плечом к дальней стене у окна. Рядом с ним стоят ещё пара мужчин и две женщины, как понимаю, это другие родители. Не скрываясь, смотрит прямо на меня. Ещё немного, и дыру прожжёт. Раньше я ни за что бы не отвернулась первая. Зависла бы, разглядывая точёные черты. Тёмные широкие брови, прямой нос и полные губы.

Сейчас, просто мазнув взглядом, я теряю к нему интерес. Меня ждут сестра и её гости. А этот человек давно остался в моём прошлом.

Инстинктивно тянусь к волосам, чтобы закрыть ими лицо. Поздно вспоминаю, что они теперь намного короче, чем раньше, просто убираю их за уши и отворачиваюсь, возвращая своё внимание представлению.

Ни одна струна моей души при виде Кирилла не дрогнула. Внутри ничего не отзывается, настоящее радиомолчание. Полный штиль. Победа?

Внутри меня живёт маленькая девочка, которая сейчас аплодирует стоя. Топают ногами и свистит.

Это всё ради неё. За все её обиды и слёзы.

Стоит признать, я, конечно, боялась обратного. Когда не видишь предмета своего слепого обожания, а именно так я его любила – слепо и всепоглощающе, всё намного проще. Поэтому страх первой встречи был. Улыбаюсь и хвалю сама себя. Фил бы мной гордился. Я зря столько лет боялась.

Гости начинают расходиться. К воротам одна за другой подъезжают машины, это родители оставшихся детей забирают своих чад назад.

Алёна устало трёт глаза и зевает, провожая последних подружек. У неё был долгий день. Обнимаю сестру за плечи, и она прижимается ко мне в ответ, обвивая тонкими ручками.

– Я скучала. Ты к нам надолго?

– Немного поживу, – говорю я и оборачиваюсь на звук

открывающейся двери.

На крыльцо выходят Морозовы в сопровождении папы. В руках у Оли розовые шарики, на щеках румянец, глаза её блестят от возбуждения, она, в отличие от Алёны, совсем не кажется усталой.

– Иди к машине, – говорит Кирилл сестре и продолжает прерванный разговор с моим отцом.

Я киваю девочке на прощание. Алёнка машет ей рукой и медленно возвращается в дом. Она сейчас пойдет купаться и спать, а я планирую помочь Людмиле в уборке погрома на первом этаже. Под конец вечера аниматоры устроили бумажный дождь.

– До встречи, Кирилл. Позвони мне на неделе, мы решим этот вопрос. – Слышу голос отца и спотыкаюсь на абсолютно ровном полу.

У них есть какие-то совместные дела? Зачем им созваниваться? Кажется, меня слишком долго не было и, возможно, кое-какие сплетни я всё-таки хочу послушать.

Берусь за дверную ручку и тяну её на себя.

– Даша.

Останавливаюсь, не поворачивая головы. Он не мог просто уехать?

– Можно тебя на минутку?

Медленно поворачиваю голову в его сторону и вопросительно поднимаю брови. Меня мало интересует, что он может мне рассказать. Я устала за этот бесконечно длинный

день и валюсь с ног. Сейчас в мои планы скорее входит встать под душ, чем уделить Кириллу хотя бы несколько минут.

– Пожалуйста, – тихо добавляет он, видя мое замешательство.

Отец с интересом наблюдает за нами, поэтому после нескольких секунд промедления я сдаюсь.

– Ладно.

Я спускаюсь с крыльца и иду в сторону забора следом за Кириллом. Он останавливается недалеко от своей машины. На заднем сиденье я вижу силуэт его сестры. Она играет на телефоне, и экран подсвечивает её детское личико.

– Выросла, – киваю на неё и поворачиваюсь к Кириллу, – ты молодец, что не бросил её.

– Спасибо, – серьёзно говорит Морозов.

Мы стоим напротив друг друга, между нами расстояние меньше метра, а по ощущениям я всё ещё территориально в Германии. Меня больше не трогают его серые глаза, резкий разлёт бровей и острые скулы. Я смотрю на него с вежливым интересом, не более.

Кто откажется поглазеть на то, какими стали их бывшие?

Кирилл как будто теряется под моим взглядом. Заносит руку и запускает ладонь себе в волосы. Такой знакомый мне жест. И опять ничего.

– Так что ты хотел? – решаю его поторопить.

Майские вечера ещё недостаточно теплые, и только недавно закончился дождь. Складываю руки на груди и передер-

гиваю плечами. На мне лишь тонкая футболка, джинсовая куртка так и осталась висеть на крючке в прихожей.

– Я не знал, что ты сегодня здесь будешь. Иначе...

– Иначе не приехал бы за сестрой? – Вздёргиваю вверх бровь. – Что за глупость?

– Да, глупость. – Опять рука ныряет в тёмные волосы. Кто-то нервничает?

Смотрю на него выжидающе. Будет что-то ещё?

– Я так и не извинился лично, – тихо говорит он и отводит взгляд, – за тот случай в лагере. Ты пойми, я тогда сам не знал, что мне нужно.

Рассматривает свои белые кроссовки и мои жёлтые кроксы.

– Понимаю. Это всё? – По телу бегут мурашки, а волоски на руках встают дыбом.

Я начинаю замерзать. Мне не хочется ворошить и вспоминать прошлое. Я это всё уже пережила. И не один раз. Страницы моей истории с Кириллом для меня давно перевёрнуты. Книга закончена и стоит на полке моей памяти. Я стараюсь её лишний раз не трогать и не мучить себя унижительными картинками моей подростковой жизни. За некоторые моменты сейчас мне реально стыдно. И, возможно, мне тоже стоит когда-нибудь перед ним извиниться за своё навязчивое поведение. Но не в этот раз.

Сейчас его номер. Пусть выступает соло.

– Я теперь работаю с твоим отцом, – говорит Морозов и

делает шаг ко мне, сокращая расстояние между нами.

– Так.

– Я не хочу, чтобы это стало проблемой. Фирма твоего отца – важный для меня клиент.

– И денежный.

– И это тоже, – легко соглашается он.

– Только не понимаю, при чём здесь я? – Поднимаю глаза, смотря на него снизу вверх.

Кирилл внимательно изучает моё лицо, чуть прищурившись. Отвечаю ему тем же.

Его губы трогает улыбка, я же, напротив, остаюсь серьёзной.

Неужели он считает, что столько лет спустя я опять начну его выслеживать? Буду навязываться? И останусь stalkером?

Если это так, то сомнения ему не занимать и, кажется, кому-то придется сильно разочароваться. Потому что этого не будет.

– Кир, я домой хочу. – Голова его сестры появляется в открытом окне машины.

Она поглядывает на нас с любопытством и не собирается поднимать стекло назад. Я вдруг понимаю, что ей просто хочется погреть уши и послушать, о чём мы разговариваем.

– Сейчас поедem, – говорит он сестре, а потом уже мне: – Даш, я...

– Уезжаешь. Всего хорошего. Рада, что у вас всё нормаль-

но.

Не дожидаясь ответа, разворачиваюсь и иду к дому.

Поднимаюсь по ступенькам и достаю телефон из кармана джинсов. Шуршащий звук шин по асфальту подсказывает мне, что Морозов убрался наконец с газона моего отца. Последние гости детского праздника разъехались, и участок погрузился в блаженную тишину ночи. На первом этаже горит свет, и я вижу, как отец и Люда швыряются друг в друга остатками бумаги с бумажного шоу. Рядом прыгает Алёнка и проснувшаяся недавно Юлька.

Улыбаюсь, глядя на эту семейную идиллию.

С тех пор, как у мамы появился новый малыш, я чувствую себя немного ненужной. Да и живу я теперь отдельно от них с отчимом. Но мы стараемся видеться каждые выходные. Это, конечно, мои личные тараканы, на деле меня никто не задвигает на задний план. Видимо, детские комплексы дают о себе знать и в двадцать три года.

– У нас дождь пошёл. Я заказал твою любимую пиццу и собираюсь её съесть один. Жду тебя, малышка. – Голос Филиппа льётся из динамика.

Он болтает о всякой ерунде почти четыре минуты, рассказывая, как провёл день, а я слушаю и улыбаюсь. По щеке скатывается одинокая слеза. Я, вытирая её тыльной стороной ладони, приказываю себе не реветь.

Ложусь спиной на крыльцо и смотрю на кусок ночного майского неба. Тучи рассеялись, и мне подмигивают тысячи

звёзд.

Небо у меня всегда ассоциируется с Филом, ведь именно там, на высоте почти одиннадцать тысяч километров, ему в первый раз удалось меня рассмешить.

3 Глава

3 года и 5 месяцев назад

– Даша.

– Фил.

Мы жмём друг другу руки, и мой попутчик обворожительно улыбается, демонстрируя ямочки на щеках. Тяжело вздыхаю, так как флирт – последнее, что мне сейчас нужно.

Отворачиваюсь обратно к иллюминатору и смотрю, как стремительно удаляется от меня город, в котором я выросла.

Чувство пустоты внутри разрастается. От меня как будто оторвали кусок и просто выкинули за ненадобностью, просто потеряли. И тоска по родине здесь совсем ни при чём.

Я думала... надеялась – а вдруг он приедет в аэропорт? Вдруг наберется смелости и посмотрит мне в лицо? Или записка с извинениями – это всё, на что способен Кирилл Морозов после того, как прилюдно унизил меня и плюнул на мою любовь?

Сжимаю кулаки, так сильно, что короткие ногти больно впиваются в кожу ладоней.

Почему чувства не выключаются по щелчку пальцев?

В один миг я его люблю, в другой – нажала выключатель и полностью свободна.

Слишком просто?

Глупо.

- А я вот боюсь летать, – раздается справа от меня.
- Сочувствую.
- Слышу сарказм, – усмехается мой новый знакомый.
- Это именно он.

– Люблю плохих девчонок, мы подружимся, – подмигивает мне Фил.

Фил? Это как Филипп?

Очень жаль, что я забыла наушники. Обычно мне везёт в поездках: все мои соседи до этого были молчаливыми бабушками и дедушками. А не двухметровыми красавчиками с ямочками на щеках. Только вот меня совершенно не волнуют ни его внешность, ни его улыбки, ни его попытки завести беседу.

Неплохие попытки... но, спасибо, нет.

– Я скучная девчонка. Предлагаю тебе пристать к стюардессе, – киваю на девушку в красной униформе, что катит по проходу тележку с напитками.

Блондинка, и всё при ней. Любой нормальный мужчина обратил бы внимание на неё, а не на меня. Но я уже сомневаюсь в нормальности своего соседа, потому что он вдруг выдает:

– По статистике самолёты являются самым безопасным на Земле видом транспорта.

– Класс.

– Ты так считаешь? У тебя костяшки пальцев побелели, так ты сжимаешь подлокотники. Тоже летать боишься? –

хмыкает мой сосед.

Демонстративно поднимаю с пола рюкзак и принимаюсь шарить в карманах в поисках наушников. Неужели моё везение совсем меня покинуло?

– Ничего я не боюсь, – бубню себе под нос и перебираю внутренний мир рюкзака.

Ручки, блокнот, пакет с мармеладными мишками, блеск для губ, резинка для волос.

Ничего полезного и нужного мне на данный момент. Может, только мармеладные мишки на минутку смогут заткнуть парня в соседнем кресле. Достая шуршащий пакетик и протягиваю его собеседнику.

– Держи.

Его глаза округляются в детском восторге, в таком настоящем и искреннем, что я немного подвисаю на его внешности, принимаясь разглядывать. У него тёмные волосы, со спадающими на лоб прядями, от которых меня передергивает, и хочется отвернуться, потому что именно такую причёску носит Кирилл. Но на этом их сходство заканчивается, и я могу затолкать свои болезненные мысли о Морозове обратно туда, откуда они только что вылезли. У Фила смуглая кожа, полные губы, которые он не умеет, по всей видимости, держать на замке, и потрясающе длинные чёрные ресницы. Просто мечта всех девчонок.

– Спасибо, – говорит он и смотрит прямо на меня.

Его глаза как две черные дыры затягивают меня в запрет-

ный космос.

Моргаю, прогоняя легкий морок с мозгов. Как мне там Машка на прощание завещала? *“Ты еще встретишь своего человека. Может быть, прямо сейчас в самолете, а может, по прилету в Германию”*.

О нет. Нет. Нет. Нет. Никогда больше ни в кого не влюблюсь. Ни за что.

В этот момент слышится треск, Фил одним движением вскрывает пакет.

Забрасывает сразу несколько мармеладок в рот и блаженно закрывает глаза, откинувшись головой на спинку кресла.

– Даже не надейся получить его обратно, Да-ша, – не открывая глаз, говорит парень.

Я фыркаю.

– Не думай, что это бескорыстная акция, это обмен. Мне нужны твои наушники во временные заложники.

– Хитра! – резюмирует Фил, приоткрыв один глаз.

Делаю невинное лицо и протягиваю ладонь в просящем жесте. Только такая балда, как я, могла не взять в поездку столь нужную вещь, как наушники. У него они точно есть. Я уверена.

– У меня есть одно условие, – говорит Филипп и демонстрирует мне аккуратный белый чехол. Я тянусь за ним, но он поднимает руку выше.

– Какое же?

– Я расскажу тебе три шутки, и если ты не засмеешься, то

заберешь их. – Подкидывает и ловит коробку одной рукой.

Клоун. Мой сосед по полету настоящий клоун. И он уже начинает меня раздражать.

– На весь полёт? – сощурила глаза в поисках подвоха.

– Именно. Ну что, по рукам?

Наушники никому из нас так и не понадобились.

Открываю глаза и не сразу понимаю, где я. Так привыкла просыпаться у себя в кровати, что, даже когда ночью у родителей, в первые секунды после пробуждения теряюсь.

За окном светлеет розовый рассвет, и на стене играют тени от штор и цветов, которыми уставлен подоконник. Разглядываю их какое-то время с абсолютно пустой головой. Мысли разбегаются, и я совсем не пытаюсь их поймать.

Переворачиваюсь на бок, обнимаю подушку и тянусь к телефону.

Часы показывают шесть двадцать утра. В доме стоит звенящая тишина, особенно это чувствуется, если вспомнить вчерашний шум. При мыслях о дне рождения Алёнки в голове сразу всплывает образ Морозова.

Я не держу на него обиды или злости. Отпустила внутри себя и давно... простила.

В чём его вина? В том, что он в итоге так и не смог меня полюбить?

Вспоминать то время уже не больно. В конечном счете это просто очередной жизненный опыт. Забыть глупо, помнить

и пережевывать каждый момент необязательно.

Не знаю, как бы у нас всё сложилось, не зайди я той ночью в комнату и не увидь его поцелуй с Неллей. Смогла бы от него уехать? Смогла бы построить свою жизнь без этих больных чувств?

Вряд ли.

Его измена или, вернее сказать, предательство дало мне пинок под задницу.

Зато обломало крылья. Хотя в итоге я и без них научилась летать.

Его извинения были смешны. Кто столько лет после драки машет кулаками?

Зеваю и переворачиваюсь опять на спину.

Ночью я обычно сплю плохо. Тяжело засыпаю, подолгу могу лежать и считать овец. Часто просыпаюсь. Потею. Потом, стоит только солнцу показаться из-за горизонта, я встаю. Снотворные помогали, но после их приема я как по голове стукнутая. Ничего не соображаю. Поэтому вот уже два месяца, как отказалась от таблеток.

Иду в ванную, взяв с собой мобильный, косметичку и полотенце.

Ставлю телефон на подставку и включаю горячую воду.

От Фила новых сообщений нет. Я проматываю нашу переписку почти в самый верх и тыкаю пальцем в экран.

Он опять что-то поёт мне на немецком, а я улыбаюсь. Люблю вот такие добрые утра под его голос.

В нашей квартире он постоянно занимал по утрам ванную. Даже если сильно спешил, обожал погорланить свои любимые песни в душе.

Иногда я к нему присоединялась.

Тогда опаздывали мы оба.

Это было классное время. От тоски у меня сжимается сердце, тяну руку и Фил умолкает.

Зеркало запотело от пара, протираю его рукой и смотрю на себя.

Я всегда была худой. Нескладной. Тонкие руки, выпирающие ключицы, острые коленки. Только щёки, как у хомяка. Хотя примерно полгода назад они наконец-то решили меня покинуть. Зато теперь у меня есть очень симпатичные мешки под глазами и шрам на лбу. Тонкий, уже почти незаметный, бледный.

Провожу по нему пальцем, больно вдавливая в кожу. Будто надеюсь, что он исчезнет.

– Дашка!

– А? – Отшатываюсь от зеркала и оборачиваюсь.

Дверь в ванную закрыта, Люда стоит с той стороны. Стучит несколько раз по деревянному полотну, напоминая о себе. И на том спасибо, мама последний раз, не сумев до меня докричаться, вломила в душ. Хорошо, без дяди Олега. Иначе я бы не пережила такого стыда.

– У тебя всё нормально? Завтракать будешь?

– Всё под контролем, – усмехаюсь и перекрываю воду.

Пробую её кончиками пальцев. Пойдёт.

– Приходи на кухню.

– Ага.

Раздеваюсь и залезаю в наполненную почти до краев ванну. Откидываю голову, позволяя воде намочить волосы и закрываю глаза.

Впереди ещё один день. У меня всё нормально. У меня всё будет нормально.

4 Глава

– Алёна! – возмущенно вскрикиваю.

Сестра пытается расчесать меня и, по всей видимости, лишит остатка волос. С шипением выпутываю массажную расчёску из колтуна на затылке. Начёс не удался. Мне выходить через пятнадцать минут. Как я буду избавляться от похода в домашний салон красоты?

– Прости, прости! – хнычет Аленка и лезет обниматься.

Заваливаемся на белый пушистый ковёр в детской и хотим. У неё не комната, а настоящий замок принцессы. Всё вокруг розовое и белое. Изголовье кровати вырезано в форме короны, сама кровать завалена мягкими игрушками. Разнообразных игрушек у неё, конечно, море. Я в своём детстве могла только мечтать о таких. С удовольствием провела с сестрой почти весь день. Мелкую Юльку несколько часов назад Люда увела спать. Алёнка постоянно отгоняла от меня младшую сестру и боролась за единоличное владение моим вниманием. Вроде десять лет уже, а всё ещё такой ребёнок. Она покрывает моё лицо поцелуями, я пытаюсь от неё отбиться, уворачиваясь. Прохожусь по её ребрам пальцами и начинаю щекотать. Отчего её смех срывается на ультразвук.

– Пощади! – завывает между приступами смеха.

– Ты мои три волосинки не пощадила! Мучайся! – изображаю устрашающий голос и надавливаю на её бока сильнее.

– Щекотно! – Сестра пытается лягнуть меня ногой и отползти подальше.

– Я знаю! – Не сдаю свои позиции.

Мне легко и весело. Совершенно ни о чем не думаю последние несколько дней. Живу как на курорте. Иногда подрабатывая нянкой для своих же сестёр.

Я давно не была так счастлива и спокойна. Атмосфера дома отца влияет на меня благоприятно. Мама была права – мне стоило ненадолго вырваться из своей квартиры и сменить обстановку.

– Даша, отец внизу, готов отвезти тебя в город. – На пороге, привалившись плечом к косяку, стоит Люда.

Точно! Я ещё пять минут назад собиралась переодеться.

В дверной проем просачивается сонная Юлька и, недолго думая, запрыгивает на нас сверху.

– Ооо. Свали, мелкая, – шипит Алёнка.

– Не смей так разговаривать с сестрой, – строго говорит Люда и добавляет, наводя на нашу кучу телефон: – Сейчас, сфотографирую вас, замрите.

– Ммм. – Я просто пытаюсь выжить и выбраться из-под этой кучи-малы. – Это невозможно.

Забегаю в ванную, на ходу скидывая домашнюю футболку. Мы с девочками сегодня рисовали, не очень аккуратно вышло. Пытаюсь пригладить растрепавшиеся волосы. Получается плохо. Ну и ладно. Мне трудно привыкнуть к такой длине, сама не знаю, зачем подстриглась. Полгода назад они

были ещё короче, и к тому же жутко неровные. Самой обрезать косу было плохой идеей. Хотелось снять стресс и что-то изменить в себе. Я даже купила светлую краску для волос, но рука так и не поднялась испортить мой натуральный каштановый оттенок.

Ополаскиваю лицо прохладной водой и наношу немного туши на ресницы. По губам прохожусь неярким розовым блеском. В комнате раскрываю чемодан. Вещи разобрать и повесить в шкаф ещё не успела, хотя живу у отца уже пару дней. Просто достаю каждый день свежую майку и натягиваю удобные лосины. Зачем наряжаться, когда вокруг все свои? Сегодня папа вызвался подбросить меня до центра.

Выдергиваю белую футболку из кучи одежды. Одеваю вчерашние джинсы и натягиваю сверху толстовку.

Отца нахожу на кухне.

– Я готова.

– Отлично, хоть одна женщина в этом доме умеет быстро собираться! – возмущенно бурчит он.

В машине по привычке сажусь назад и на вопросительный взгляд отца с волнением сжимаю ремень сумки.

– Я здесь сяду, ладно? – тихо спрашиваю.

Он ведь не заставит меня пересесть вперёд?

– Конечно.

Папа задумчиво постукивает по рулю пальцами и давит на газ. Я дёргаюсь, хватаясь за дверную ручку, силюсь улыбнуться. Он настороженно смотрит в зеркало заднего вида.

Сканирует моё поведение. Спасибо, что ничего не спрашивает, хотя я вижу – ему хочется.

До центра добираемся быстро и в полном молчании. Игры с девочками меня немного утомили. Смотрю в окно на несущиеся мимо дома и родные улицы. По сравнению с Германией у нас очень серо. Мало зелени, люди одеваются во всё темное. Никто не улыбается. Слишком много аляповатых вывесок непонятных магазинов на центральных улицах города. Это отвлекает от старых зданий.

Вчера вечером позвонила Машке Ивановой и рассекретила своё пребывание в стране. Звучит смешно, но мне так комфортно в своем коконе одиночества, что совсем не хочется из него выбираться.

Сестры и отец с женой отвлекают меня и вносят разнообразие в будни. Я даже почти не жалею, что приехала не на пару дней, как планировала изначально, а на два месяца. Тоска по Филу грызёт меня изнутри, я каждый день слушаю его аудиосообщения и улыбаюсь. Сколько же разной ерунды он мне записывал. Пишу ему кратко, чем я занимаюсь, не надеясь на скорый ответ.

– Спасибо, что подвёз. – Дёргаю ремень безопасности и отстегиваюсь.

– Просто я хотел побыть со своей старшей дочерью наедине, – говорит отец и поворачивается ко мне.

– Поэтому ты молчал всю дорогу? – улыбаюсь.

– Посмотри на меня и скажи, что у тебя всё в порядке.

Послушно выполняю его просьбу.

– У меня всё в порядке. – проговариваю скороговоркой, опуская взгляд на ногти.

– А ещё пообещай, что не съедешь от нас через три дня. Девочки рады твоему приезду и мы с Людой тоже, – мягко произносит он.

Вскидываю голову и смеюсь.

– Не могу такого обещать. Я не думала, что у вас так шумно. – Папа закатывает глаза, он, в отличие от меня, привык к этому детскому саду дома. – Я хотела съездить на старую квартиру. Разобрать вещи. Подготовить её к просмотру риелторами.

– Хорошо. Скажи, когда решишь, помогу тебе или с работы кого-нибудь отправлю.

– Я сама. Чего там помогать-то?

– Если что-то тяжелое потребуется выкинуть, тоже сама? Я вообще удивлен тем, что Елена ещё не продала эту квартиру.

Телефон вибрирует, и я смотрю на экран, заправляя волосы за уши.

“Подъезжаю.”

– Она хотела, чтобы у нас было, куда вернуться, но пока мы живем там, а трёшка пустует. Они с Олегом больше не видят смысла её держать. Если решат вернуться, проживут первое время у вас с Людой. Такой у мамы план, – усмехаюсь.

У папы в глазах неподдельная паника. Ещё бы! Две жены,

бывшая и настоящая, под одной крышей – такое мало кто сможет выдержать.

– Ха-ха!

Чмокаю отца в щёку, выхожу на улицу.

– Пока! В обратную сторону вызову такси.

Накидываю капюшон толстовки на голову – на улице накрапывает мелкий колючий дождь – и бегу в сторону оранжевой вывески кафе.

– В нашем кафе заказывают у стойки бара, – вежливо говорит молоденькая официантка, добавляя салфеток на стол.

Отрываю глаза от картонного меню.

– Зачем тогда здесь оно? – Демонстрирую ей несколько бумажных листов.

Девчонка мнется, но приветливую улыбку с лица не стирает.

– Чтобы вы могли ознакомиться.

– Ладно. Как ознакомлюсь, подойду на бар.

На самом деле я не планировала ничего заказывать, разве только чёрный кофе, чтобы не сидеть с пустыми руками.

Откладываю меню на стол и кручу головой, разглядывая дизайн кафе.

Место для меня новое. Хотя в городе, наверное, большинство заведений покажутся мне новыми. Даже наш неприметный провинциальный городишко успел разрастись и поменяться за то время, что меня тут не было.

Машка опаздывает, что для неё редкость. Обычно подру-

га впереди планеты всей. Она прилетала ко мне в Германию нечасто. Трудно это сделать, когда у тебя постоянные финансовые проблемы из-за алкоголизма родителей. Насколько я знаю, сейчас она наконец-то с ними не живет. Но всё равно осталась в родном городе, не смогла далеко уехать. Боится, что с ними что-то случится.

Дверь на входе открывается и я по инерции поворачиваю голову туда. Копна рыжих волос, чёрная кожаная куртка и такие же штаны. Как всегда, на шпильках, даже в выходной день.

– Засимова! – звонкий голос Машки взбодрит кого угодно.

Часть бедных расслабленных посетителей дернулась и во все глаза уставилась на мою лучшую подругу.

– Иванова! Опаздываешь! – Шутливо грожу ей пальцем и мы обнимаемся.

Со своим ростом метр шестьдесят два и в кроссовках я дохожу Машке до подбородка. Она треплет мне волосы и целует в обе щеки. Мы дружим ещё со школьных времён, и ближе человека у меня сейчас нет. Она мне как третья сестра.

– Пробки – просто капец!

Машка сбрасывает куртку на диванчик и поворачивается ко мне. Мы придиричиво друг друга осматриваем. Фотографиями мы, конечно, обменивались и звонили друг другу по несколько раз в неделю по видео. В её носу поблескивает

серьга, пальцы унизаны тонкими колечками. Я знаю, что на плече у неё теперь есть тату. Ей идет этот бунтарский образ роковухи.

– Ты на машине? – спрашиваю я.

– Ага. Я аккуратно вожу, не переживай, – быстро добавляет она, пристально вглядываясь в моё лицо.

– Я и не переживаю, – пожимаю плечами, – но будь осторожна.

– Езжу как черепаха! Честное слово. Муж всё время говорит – поддай газу, а я торможу, – смеётся Машка, а потом резко замолкает. – Извини. Шутить на эту тему ещё рано, да?

Киваю. Сколько бы времени ни прошло, всегда будет рано.

– Ты как?

Маша трогает меня за руки, от её веселости не осталось и следа.

– Всё нормально, ты же знаешь.

– Мне можешь не врать.

– Я и не вру. У меня всё нормально. Не супер, конечно. Просто нормально. Жить можно. Жить нужно... – В конце голос срывается, и я отворачиваюсь к большому панорамному окну, которое выходит на оживленный проспект.

– Эй, всё будет хорошо. – Маша обнимает меня и укладывает свою рыжую макушку мне на плечи. – Прости, что не смогла приехать.

– Я не обиделась, – шмыгаю носом. – Не до этого было.

– Антон прилетал?

– Нет. Он на Бали. После Насти мы почти не общаемся, – говорю я.

Беру салфетку и протираю нос. Беру новую и прикладываю к глазам. Зря я тушью накрашилась, так и знала, что рядом с Машкой разревусь.

– Я тоже с ним на ножах после той истории, – кивает мне Иванова, – до сих пор не понимаю зачем он это сделал.

– Я тоже. Ладно, это их отношения. Не удивлюсь, если она его потом простит.

– Ммм, – тянет подруга и смотрит куда-то поверх моего плеча, – а ты бы простила Морозова за такое? Или Фила?

– Фила бы простила, – отвечаю не задумываясь. Ему бы я вообще всё что угодно простила, кроме одного. – Кириллу? На него я вообще ни за что не обижаюсь. Наверное, да, тоже простила бы.

Ставлю локти на стол и в задумчивости опускаю на сцепленные ладони подбородок.

Спустя время я поняла, что обиды... это глупо. Пустая трата возможного счастливого времени. Сколько может произойти хорошего, а вместо этого люди дуются друг на друга, зачастую из-за всякой ерунды. Я не говорю сейчас о чем-то глобальном. Когда другой человек предает или делает нестерпимо больно. Хотя и это тоже можно стерпеть. Всё в нашем мире относительно. Счастье заменяет другое, большее счастье. Боль вытесняет другая, более сильная боль.

– Надеюсь, Настя не простит Зеленского, – зло говорит Маша и откидывается на спинку диванчика.

– Это их дело. Вполне вероятно, что она в итоге выйдет за него замуж.

– Ну да. Любовь – штука сложная.

– Тебе ли не знать? – грустно усмехаюсь я.

– У каждого свои драмы, – невесело говорит подруга и опускает взгляд на свои руки.

На её пальце сверкает обручальное кольцо.

– Закажешь мне кофе? – прошу у Маши, а сама встаю и беру сумку. – Здесь заказывают у бара.

Иванова цокает языком и тоже встает. Она останавливается около кассы и задумчиво рассматривает витрину с пирожными. Машка всегда была сладкоежкой, не удивлюсь, если к моему приходу на столе будет три разных вида сладостей.

Проскакиваю мимо неё дальше по проходу и, спросив направление у официантки, спускаюсь на цокольный этаж к женской комнате.

Сделав все свои дела, подхожу к зеркалу и прохожусь рукой по волосам. Глаза неестественно красные. Роюсь в сумке в поисках пудры, но её, конечно, там нет. Не помню, когда последний раз вообще пользовалась пудрой. Зато сейчас она мне не помешала бы.

– Вы мне не поможете?

Из соседней кабинки выходит девушка и, заламывая руки, выжидающе смотрит на меня.

– Привет, – дружелюбно улыбаюсь. – Чем смогу помочь.

– У вас нет... – девушка мнётся и отчаянно краснеет до кончиков каштановых волос.

Понимаю её почти сразу. Бросаю взгляд на стену. В Германии почти в каждом общественном туалете, даже в самых захламленных кафешках, всегда есть автоматы с гигиеническими принадлежностями. Здесь вполне ожидаемо нет таких чудес.

– Сейчас посмотрю.

Лезу обратно в сумку, обычно у женщин в них чего только нет. И я не исключение. Достаю маленький синий футляр и протягиваю девушке.

– Вот.

Она хлопает в ладоши от радости, даже подпрыгивает, чем неожиданно веселит меня, и говорит:

– Спасибо! Вы только что спасли моё свидание.

– Не надо благодарности. Можете назвать в честь меня вашу будущую дочь.

Мы вместе смеёмся и девушка скрывается в кабинке.

Возвращаюсь в зал кафе и замираю на верхней ступеньке.

Этот город настолько чертовски мал?

За соседним от нашего с Машей столика сидит Кирилл Морозов. Будто почувствовав мой взгляд, он вскидывает голову и утыкается холодными айсбергами своих глаз прямо мне в лицо.

Тёмные брови Кирилла сходятся на переносице, задум-

чивый взгляд скользит по моему телу сверху вниз. Физически его ощущаю. Так всегда было. Доходит до моих розовых кроссовок и отворачивается, пряча глаза за монитором своего компьютера. На столе перед ним открыт ноутбук и дымится чашка с кофе.

Кончики пальцев покалывает и я тоже хмурюсь.

Возобновляю движение. Дурацкая вышла заминка.

Просто я не ожидала здесь его встретить. Точнее, я вообще надеялась его больше не встречать. Он как напоминание о не самом приятном прошлом постоянно теперь будет маячить перед моими глазами?

Надо узнать у отца, что за дела их связывают. Насколько я помню, Морозов раньше занимался программированием, а у папы строительно-отделочные бригады. Грязная и пыльная работа. Тяжелая. Зато весьма денежная. Новостройки в городе растут как грибы после дождя, со слов отца. У него в подчинении около десяти бригад. И каждый год он набирает новых мастеров. Когда-то папа сам был таким простым разнорабочим, тогда они с моей мамой и развелись. Денег не хватало, работы было много, отца постоянно не было дома.

Мама через несколько лет вышла за отчима. Успешного лицевого хирурга. А папа встретил Люду и прошел весь карьерный путь с ней бок о бок.

Не представляю Морозова в его модных шмотках и с мастерком в руках.

Надеюсь, он не подумает, что я опять взялась за старое и

преследую его с навязчивой идеей понравиться? Я больше не хочу ему нравиться. Я больше вообще никому не хочу нравиться.

Заправляю волосы за уши и, сжимая в руках сумку, иду к нашему с Ивановой столику. Машка болтает по телефону, активно жестикулируя руками.

– Как это не приедешь сегодня? Я не помню такого разговора... – Слышу обрывки фраз.

Когда подхожу к столу, Иванова сбрасывает звонок и раздраженно шипит:

– Пошёл к черту!

– Проблемы?

– Никогда не выходи замуж, Даша! – прикрывает глаза подруга и качает головой.

– Я и не собираюсь, – отвечаю честно.

– Привет! – Слышу справа от себя.

Взмахиваю рукой, не поворачивая головы и плюхаюсь на диванчик напротив Ивановой.

– Что?

Машка делает страшные глаза и стреляет ими вбок. Надеюсь, пока меня не было, она вела себя прилично и не пыталась выгнать Кирилла из заведения. А то она может, знаем.

– Забей, – отмахиваюсь от неё и даже не стараюсь снизить голос. – Мы уже виделись.

Оглядываю стол. Как я и думала, передо мной стоит морковный торт, а перед подругой – шоколадный. Между ними

«Воздушная Павлова». Кофе, мой и её, тоже здесь.

– А это кому? – киваю на тарелочку с воздушным пирожным.

– Разделим по-братски, она у них была одна. Но ты с теми-то не съезжай.

Маша тоже несильно старается говорить тише. Я ей улыбаюсь и втыкаю вилку в торт. Обожаю Машу.

– В доме папы встретились, на дне рождения Алёнки. Наши сестры дружат, – решаю объяснить. Отламываю кусочек десерта, но так и оставляю его лежать на блюде. Тянусь к белой чашке с обжигающим кофейным напитком и делаю глоток. Несладкий.

– Какая неожиданность, – говорит Маша и расправляется за считанные секунды со своей порцией.

Вот у кого никогда не было проблем с аппетитом.

За соседним столиком происходит какая-то возня, и я невольно смотрю туда поверх чашки. Миниатюрная брюнетка, которую я спасла в туалете, приближается к Кириллу. Только сейчас замечаю, что на ней розовый свитер и лёгкая бирюзовая юбка. На ногах лодочки на каблуках. Она буквально светится от счастья, глядя на Морозова. Смотрит на него с таким неприкрытым восхищением, и мне становится неловко, что я увидела такой личный для кого-то взгляд. Она будто никого кроме него не замечает. Это явно не первое их свидание, вдруг понимаю я.

Морозов поглощён каким-то файлом в ноутбуке и не сра-

зу замечает приближение девушки. Она проходит мимо нас так стремительно, что задевает бедром пустой стул. Он с грохотом падает на кафельный пол. Машка морщится от резкого звука.

– Простите! – всплёскивает руками девица и, замечая меня, виновато улыбается. – Пожалуйста.

Морозов встает со своего места, поднимает стул, кивает мне и Машке. Его непослушные волосы опять растрепались и спадают на лоб длинными прядями. Девица пользуется моментом, виснет на своём парне и обвивает его шею руками. Он подхватывает девушку и тепло улыбается, глядя на неё. Их губы соединяются в невинном приветственном поцелуе, и я понимаю, что хватит на них пялиться.

У Машки звонит телефон, она раздраженно бросает взгляд на экран и, изменившись в лице, сбрасывает вызов. Извиняется и уходит в сторону туалета, звонко цокая шпильками по полу.

Отворачиваясь обратно к окну, прислушиваюсь к себе.

Ничего. Ноль. Внутри всё такая же истлевшая пустота. Умерло всё. Эмоции исчезли. Семь лет болезненных всепоглощающих чувств, которые сводили с ума и держали на крючке не меня одну, ушли. Разве такое возможно? Чтобы то, что я чувствовала к Морозову раньше, ушло навсегда? Если бы мне кто об этом сказал три с половиной года назад, я ни за что не поверила бы, так мне было больно. Дышать невозможно. На груди как будто лежал целый материк. Ав-

стралия, не меньше. Что ни вздох, то мука. В голове творилась такая каша. Мне казалось, я сходила с ума. Я так любила... Господи, как я его любила.

Бросаю ещё один взгляд через плечо на парочку, чтобы удостовериться. Проверить ещё раз. А вдруг показалось... Но нет. Пусто.

Вздыхаю и улыбаюсь сама себе.

Я смогла. Правда смогла. Кто бы мог подумать?

Пью несладкий кофе мелкими глотками, наблюдаю, как по проспекту едут, стоят в пробках, пропускают людей на светофоре автомобили. Пешеходы как муравьи в муравейнике спешат по своим делам. Смеются и улыбаются дети.

Жизнь – она такая разная. Где-то теряем, где-то находим.

Любовь тоже разная.

Взаимная и нет.

Сильная и не очень.

Единственная и всеобщая.

Самая большая и совсем маленькая.

Кирилл Морозов больше не любовь всей моей жизни.

Больше нет.

5 Глава

Открываю дверь ключом, трижды проворачивая его в замке.

Раздается характерный щелчок.

Как нас никто не ограбил за эти годы? Или ограбили, а мы и не в курсе?

Дом, в котором находится наша с мамой и отчимом квартира, расположен в старом спальном районе. Место мне очень нравится, в отличие от новых частей города, здесь много зелени, и всё такое родное, что ли. Таких в городе сейчас четыре. Они активно застраиваются многоэтажками и обставляют новыми школами, торговыми центрами и детскими садами.

В этом доме я прожила всю свою жизнь с рождения и до двадцати лет. Классическая панельная девятиэтажка на пять подъездов с аркой посередине. Ничего особенного, но сердце у меня на мгновение замерло, когда я увидела родные и любимые с детства места. Машка жила в соседнем доме, и мы часто зависали на нашей детской площадке после школы.

Раскачивались солнышком и дико визжали. Так моя мама понимала, что я на пути домой.

Улыбаюсь этим воспоминаниям и убираю ключ в карман.

Тяну дверь на себя и с опаской, как воришка, заглядываю внутрь. Несмотря на то, что сейчас всего лишь десять утра, и

на улице светит солнце, в коридоре темнота. Воздух затхлый и спёртый. Даже на языке я чувствую привкус пыли.

Захожу и с хлопком закрываю дверь. Бегу по памяти на кухню по длинному коридору, прижав руку к носу, чихаю. Раздвигаю шторы. С них, как снегопад, сыплется пылица! Ещё раз чихаю! Распахиваю окна и жадно глотаю свежий утренний воздух.

Боже!

У нас третий этаж. Я, не боясь, свешиваюсь по пояс и смотрю вниз. Около подъезда посадили новые кусты и разбили клумбу, на которой покачиваются от ветра белые тюльпаны.

Когда мы с Филом ездили на выходные в Нидерланды, он одним утром ускользнул из номера и вернулся с охапкой белых тюльпанов. Буквально засыпал меня ими, пока я нежилась в кровати. Он подарил мне восхитительные моменты в жизни... они везде. Навсегда в моей памяти. Как от этого убежать?

Хмуюсь.

Всё и везде напоминает о нём. В этот раз недостаточно сесть в самолет и, закрыв глаза, улететь в другую страну. Больше это так не работает.

Ветки деревьев почти стучатся в окна. Будь я смелее, протянула бы руку и коснулась бы молодых листочков. Но я в какой-то степени трусиха. Очень большая трусиха.

Раньше я любила пить чай, сидя на подоконнике, и смот-

реть на улицу. Одним из моих самых любимых занятий было выглядывать Морозова Кирилла.

Он жил с родителями через несколько дворов, а дорога к нашей школе проходила как раз мимо моего дома. По привычке смотрю в том направлении. Можно простить, вычеркнуть из жизни, перестать любить его, но вот какие-то такие мелочи, как посмотреть в сторону его бывшего дома, всё еще сидят во мне.

Сбрасываю отцу и Люде сообщения о том, что я на месте. Они хотели поехать вместе со мной, я еле как отбилась. Я могу справиться со всем сама. Я и *справляюсь* со всем сама.

Сжимаю в руке телефон до побелевших костяшек и, прикрыв глаза, кладу его на подоконник.

Новых сообщений не будет.

Уборка меня отвлекает.

Полезно что-то делать руками, чтобы очистить и разгрузить собственные мозги.

Я спускаюсь в магазин. Покупаю гору чистящих средств, тряпок и мешков для мусора.

Первым делом открываю везде окна и устраиваю сквозняк. Кутаюсь в толстовку и решаю не снимать обувь.

Фил ненавидел разуваться дома. Про тапочки даже слушать не хотел.

У нас маленькая квартира-студия. Белые стены без лишней мебели и всяких мелочей. Полный минимализм. Зато с огромной кроватью. Я скучаю. Не по кровати.

Берусь за дело. Я обещала маме заняться квартирой, пока я тут. Приведу её в надлежащий вид и найду риелтора.

Квартира в России тяготит моих родителей. Она как запасной аэродром. Всегда сидит мысль, что будет куда вернуться “если что”. А если это “если что” наступает? Возвращаться есть куда, но ты больше не хочешь быть именно там?

Сначала снимаю везде пыльные шторы и сваливаю их в ванну.

Пару раз чихаю.

Собираю мешающие и падающие на лицо волосы в два нелепых хвоста по бокам и иду в свою детскую комнату.

Здесь тоже кругом призраки прошлого, но они меня больше не пугают. Они действительно остались очень далеко позади.

Вываливаю ящики письменного стола на пол и разбираю. Решаю оставить пару блокнотов и газету, в которой меня как-то напечатали в университетские времена.

Боже... какие щёки.

Закатываю глаза, но всё же оставляю её на память. Маме понравится.

Тяну руку и замираю.

Персикового цвета картонная коробка с замком. Это позор всей моей жизни. Мой школьный дневник. Он довольно увесистый и толстый. Листы там в линейку. А почерк у меня был просто закачаешься в то время. Любой врач позавидовал бы. Ничего не разобрать!

Усмехаюсь и отправляю дневник, не открывая, в черный мусорный пакет.

Я помню некоторые страницы дословно. Многие исписаны просто именем Морозова. И миллионы сердец. Везде!

Сердцем писала. Мне казалось, я его так любила... так любила, что больше никогда и никого не смогу так полюбить. Он моей вселенной был, хотя я его толком и не знала. Просто мальчишка из школьного коридора. Просто старшеклассник. Я бы тоже от себя шарахалась, ничего удивительного, что он меня избегал.

Качаю головой, закусив губу. Бедный Морозов.

– Эй, есть тут кто?

Знакомый голос разносится по коридору и отдает ударной волной мне в грудь. Уши закладывает и волосы встают дыбом. Из рук валятся школьные рисунки и записки, в которых мы переписывались на различные темы с Машкой. Разлетаются разноцветными листьями по всему полу. Ветер из окна их подхватывает и несёт в сторону выхода из комнаты.

Сначала я вижу белые кроссовки. Они безжалостно топчут вазу с фруктами которую я нарисовала в третьем классе. Поднимаю глаза выше. Синие джинсы, серая толстовка. Щетина на скуластых щеках и раскосые миндалевидные глаза, которые смотрят на меня с беспокойством.

– Что *ты* здесь делаешь? – хрипло спрашиваю я у Кирилла, сидя в центре хаоса, который сама и натворила.

– Что ты здесь делаешь? – повторяю свой вопрос, потому что Морозов явно не спешит с ответом.

– Ты не отвечала на звонки.

– А ты звонил? – вопросительно вздергиваю брови. Не помню, чтобы обменивалась с ним новыми номерами.

Поднимаюсь с колен и отряхиваю от пыли джинсы. Нервными движениями стаскиваю резинки с волос и они рассыпаются, едва касаясь плеч. Кирилл следит за мной, прищурившись и не двигаясь с места.

Зато двигаюсь я.

Подхожу к нему близко-близко и резко наклоняюсь, выдергивая свой рисунок у него из-под ног.

– Это моё.

– Я...

– Даша!

Люда врывается в комнату, тесня Кирилла обратно в коридор и картинно хватается за сердце, привалившись к стене.

– Ты что творишь вообще?

– Я?

– Для чего изобрели телефоны? Где он?

Вспоминаю, что оставила его на подоконнике в кухне и ни разу за много часов уборки о нём не вспомнила. А зачем? Тот человек, который интересует меня больше всего, и от которого я жду звонков и сообщений, мне больше не напишет. Пора привыкнуть к этому. Но как?

– Я не слышала, – бормочу сконфуженно и протискиваюсь мимо Люды и Морозова.

В коридоре встречаю Алёну и Олю, которые, не тратя времени даром, примеряют сваленную в кучу одежду. Там мамины ретро-платья и мои детские вещи, которые долгие годы рука не поднималась выкинуть.

– Красотки! – бросаю им.

– Можно я возьму вот это? – спрашивает Оля, пристраивая на голову соломенную шляпу.

– Оль!

– Бери, конечно. Всё нормально, Кирилл, я всё равно собиралась это кому-нибудь отдать.

Нахожу телефон на кухне. Двадцать два неотвеченных. В основном от папы и Люды, один от мамы и три с неизвестного номера. Новых сообщений нет.

Стираю все пропущенные вызовы и прячу телефон в карман толстовки. Крутанувшись на пятках, складываю руки на груди и опираюсь бедром об пыльный стол.

Девочки делят наше с мамой имущество в коридоре, наполняя квартиру детским смехом, которого эти стены не слышали очень давно.

Люда как ни в чем не бывало проходит за мной на кухню и осматривается по сторонам, морща свой длинный нос.

– Зачем вы приехали? – строго спрашиваю я.

Я вообще не намерена терпеть вмешательство в мои личные границы. Потому что всё это уже пахнет тотальным

контролем. Меня постоянно пытаются сопровождать. Везде. Как мне удастся сходить одной в туалет в их доме, вообще удивительно.

– Мы были здесь недалеко, – беспечно бросает Люда и, схватив тряпку, проводит ей по столешнице. – Помощь нужна? Сейчас мы девочек вмиг организуем. Они отлично умеют махать тряпками. Правда потом придется накормить их мороженым.

– Ты зубы мне не заговаривай. – Начинаю сердиться, заправляю волосы за уши и стреляю глазами в Кирилла, который, почесывая затылок, появляется на кухне.

– Мы, наверное, поедem, – говорит он, – раз всё в порядке.

– А что может быть не в порядке?

– Даша!

– Что? – Поворачиваюсь опять к мачехе.

Она делает страшные глаза и показываем ими на Морозова. Не хочет, чтобы посторонний стал свидетелем наших внезапных разборок? Так нечего было его сюда приводить! Это они дружат семьями. Я в этой дружбе как пятое колесо в телеге.

Было время, подружили.

– Мы были вместе в бассейне. Люд, я Олю, наверное, в следующий раз к вам отвезу. На такси доберетесь? – спокойно говорит Кирилл.

– Конечно, спасибо, дорогой.

Закатываю глаза и цокаю языком.

“Дорогой...”

– Кир, но я не хочу уходить, – канючит в коридоре его сестра. – Мы только пришли. Здесь столько интересного! Я готова помочь с уборкой!

– Оставь её с нами, Кир! – Складывает в умоляющем жесте ладони Алёна.

Кирилл вопросительно смотрит на меня, как будто здесь я решаю. Они лишили меня этой возможности, ворвавшись сюда без приглашения странной компанией.

Господи, что за дурдом?

Мне хоть немного дадут побыть одной, наедине с собой и своими мыслями? Я ведь так мало хочу. Просто немного одиночества, когда мне оно нужно. Мама выперла меня из Германии, чтобы встряхнуть. Вот я здесь и теперь встряхивают в доме отца. Играю с сестрами. Помогаю варить суп Люде и играю в карты по вечерам с папой. Но сейчас было моё время!

– Ладно. – Взмахиваю рукой, сдаваясь. – Пусть остаются.

– Ура!

– Ты лучшая сестра на свете!

– Так уж и лучшая, – бубню себе под нос, возвращаясь в спальню мимо неожиданных гостей.

Спокойной уборке пришел конец.

– Тогда я поехал. Оль, если что – звони. Заберу тебя часа через два. В офис сгоняю по делам и приеду. Даш...

– Мм?

– Если она тебе будет мешать, то...

– Она не будет мне мешать. Раз приехал, возьми, пожалуйста, вот эти мешки и закинь их в мусорку. А вот тут одежда, эту коробку просто поставь рядом с контейнером, может кому-то пригодится.

Я провожаю Морозова в прихожую и даю инструкции, куда выбросить свои старые вещи.

На кухне Люда пробует включить воду и ругается на то, что она не течет.

Девочки носятся из комнаты в комнату в странных нарядах, изображая оперных див.

– Может, мне лучше остаться? – с сомнением спрашивает он, глядя поверх моей головы.

– Нет. Мы как-нибудь сами, спасибо и всё такое.

– Сними телефон с беззвучного и таких ситуаций станет меньше, – ухмыляется Кирилл.

– Не разговаривай со мной так, как будто ты меня знаешь, – хмурюсь я и протягиваю ему последний завязанный мешок.

Он аккуратно берет его, касаясь моих пальцев своими. Отдергиваю руку, быстро натягивая рукав толстовки до самых костяшек. Я не люблю, когда меня касаются незнакомые люди.

– Познакомимся заново? – Слышу в его голосе улыбку.

Поднимаю голову и встречаюсь с ним глазами. Он скло-

нил голову набок и наблюдает за мной исподлобья. Мне совсем неинтересно, о чем он думает, но я вижу, что разглядывает он меня с интересом. Не знаю, что за этим кроется. Вежливость?

– Зачем? Тебе не кажется, что это неуместно?

– Что именно?

– Строить из себя друга моей семьи, приходить на помощь, когда в принципе в ней не нуждаются. Предлагать знакомство, после... ну ты знаешь. – отвожу глаза и скрещиваю руки на груди, встав к Морозову вполоборота.

Кирилл пожимает плечом, закидывая на него черный матовый мешок с моей старой одеждой, и кривит губы.

– Это просто вежливость. Мы оба повзрослели, и я думаю, поняли свои ошибки. Моя сестра дружит с твоей. Я работаю вместе с твоим отцом. И так уж получилось, что захож в твою семью.

– Поэтому я просто вежливо откажусь. Я здесь ненадолго.

– Ладно. До встречи.

– Пока. – Захлопываю за ним дверь и поворачиваю замок несколько раз.

Шаги Морозова отдаются эхом по подъезду, когда он спускается, а я прислоняюсь к двери и обнимаю себя руками.

Телефон в кармане толстовки не подает никаких признаков жизни. Мне вдруг нестерпимо хочется телепортироваться в Германию в нашу с Филом квартиру. Залезть под одеяло и спрятаться от всего, что происходит вокруг.

В принципе, этим я и занималась последние полгода.

6 Глава

2 года и 5 месяцев назад.

Критически осматриваю себя в зеркало. Может, волосы завязать в хвост?

А эта юбка не слишком... юбка?

О чем я думаю?

Прячу лицо в ладони и качаю головой.

Мы же друзья с Филом...

Какой по счету это будет наш совместный поход в кино за прошедший год?

Почему именно сегодня я нервничаю, как будто собираюсь на свидание?

Может, виной тому то, что произошло накануне?

Лучше не думать об этом!

Иначе я опять переоденусь.

Оглядываю свою маленькую спальню. На кровати свалено в кучу всё скромное содержимое моего шкафа. И я всё ещё не уверена, что выбрала подходящий наряд.

Мы с Филиппом Ламсом подружились ещё в самолете.

Заткнуть его оказалось невозможно, и я с этим смирилась.

Мы вместе разделили мармеладных мишек, а потом и всю самолетную еду. Поровну.

С ним оказалось невероятно легко.

Он рассказывал какие-то невероятные шутки, после кото-

рых у меня сводило челюсть и начинал болеть пресс. Я даже не заметила, как объявили посадку. Пришло время расставаться, и я опять загрустила. Не помню, когда мне последний раз вот так, с лёту, начинал нравиться человек. Хотя вру... Морозов мне понравился буквально с первого взгляда.

Что удивительно, во время общения с Филом я совсем не думала о Кирилле. Романтический подтекст в наши отношения я тоже не вкладывала. Романтика осталась дома, в России. Я была собой и не стремилась понравиться своему новому знакомому. Мне было весело провести рядом с ним бок о бок пару часов, но на большее я не рассчитывала.

Когда мы спускались по трапу, он попросил мой номер.

У меня не было местной сим-карты, поэтому мы обменялись адресами электронной почты. Я не ждала от него сообщения, но он написал.

Мы переписывались около месяца, а потом Фил позвал меня увидеться, и я согласилась. Я так одичала здесь поначалу без друзей, что была очень рада провести с кем-то время вживую.

Так мы постепенно стали видеться всё чаще. Переписки стали более личными. Фил любил записывать голосовые сообщения и петь мне жуткие песни на немецком. Мне кажется, я никогда не привыкну к этому языку. И вот, спустя почти год, мы друзья.

Мы идем в кино на какой-то авторский артхаусный фильм с английскими субтитрами в компании знакомых ребят. И я

бы совершенно не волновалась, но вчера... Нет, не буду об этом думать.

Телефон мигает новым сообщением в тот момент, когда я решаю все-таки переодеться в удобные джинсы и расстегиваю молнию на юбке.

– Я внизу, – говорит Фил и отключается.

Это самое короткое голосовое от него за всё время.

Так, Даша, вдох-выдох. Это же Фил! Твой Фил. Ничего особенного не произошло и не произойдет.

Ладони предательски потеют, пальцы не слушаются, когда я дергаю молнию обратно вверх.

– Привет. А где все? – спрашиваю, садясь на переднее сиденье.

Фил барабанит пальцами по рулю и не сразу поворачивается ко мне.

На нём белая футболка и черные джинсы с дырками на коленях. На ногах белые кроссовки. Он выглядит как обычно и в то же время нет.

Смотрит на меня без своей привычной улыбки и чертят в глазах. Волоски на руках встают дыбом.

Я нервно расправляю складки на юбке и изучаю блеск вечерних фонарей через открытое окно машины.

– Решили встретиться на месте. Пристегнись, – кивает мне Филипп и машина трогается с места.

Блин.

Мы всё испортили.

Я не чувствую больше той легкости, которая была между нами всё это время.

Это моя вина? Не нужно было... или нужно, но раньше? Господи, почему так сложно?

Он мне нравится.

Мы стоим на светофоре, ждём когда загорится наш зелёный на сложном перекрестке. Всё внимание Фила отдано дороге. Я украдкой наблюдаю за ним, чуть повернув голову. Надеюсь, не сильно пялюсь, волосы волнами падают на лицо, скрывая мой пытливый взгляд.

Он мне нравится.

Я не думала, что такое снова возможно. Но это случилось. Рядом с ним так хорошо. Комфортно. Я вообще ни о чём не думаю! Просто отдыхаю и расслабляюсь. Могу быть самой собой. Могу громко смеяться или рыдать во весь голос, а я люблю рыдать, особенно над грустными фильмами о любви. Я не боюсь показаться ему глупой, ранимой, смешной или неопытной.

Мы часто ходим в кино вместе. Вдвоём. Сегодня он пригласил меня и ещё человек пять, я видела их переписку в общем дружеском чате. Всё внутри меня было против. Вопило о том, что это несправедливо! Нам нужно поговорить и побыть вдвоём. Просто потому, что *он мне нравится*, и вчера он явно собирался меня поцеловать.

А я струсилась и отвернулась!

Какая же я дура!

Я повторяла это про себя всю ночь. И весь сегодняшний день. И повторяю сейчас.

Бояться не нужно.

Филипп вздыхает и опирается локтем на дверь. Потирает двумя пальцами губы, продолжая игнорировать мои душевные переживания.

Остановка на этом светофоре такая долгая.

Каждый раз, когда мы стоим на здесь, можем прослушать одну и ту же песню дважды.

Поэтому я решаюсь действовать.

Отстегиваю ремень и тянусь к нему.

Беру его красивое лицо в ладони и разворачиваю к себе, нежно поглаживаю смуглую кожу.

Фил растерянно смотрит на меня, а я медленно приближаюсь к нему. В считанных миллиметрах от его губ замираю. Теряю всякую решительность. Он мне нравится. Очень нравится.

– Даша? – Его глаза шарят по моему лицу и спускаются к губам.

Мне не должно быть страшно. Второй раз больно не будет.

– Фил...

Это как прыгнуть в ущелье с привязанной к ногам веревкой. Кажется, никогда не решишься и успеваешь десятки раз передумать, а потом тебя толкают в спину, и ты летишь вниз.

Просыпаюсь, как обычно, рано и, откидывая одеяло, рез-

ко сажусь.

Голова немного кружится, и я пытаюсь сфокусировать плывущий в первые секунды после пробуждения взгляд.

Сегодня опять солнечно и, судя по ощущениям, тепло.

Погода как издевается над моими душевными муками и страданиями.

У меня в душе постоянно идёт дождь и завывает ветер.

Проверяю телефон и социальные сети. Ещё недавно я не могла зайти в фейсбук, но сейчас спокойно делаю это. Бездумно листаю ленту друзей, пока случайно не натыкаюсь на старую фотографию Фила. Он вместе со своей старшей сестрой Лилит и её мужем жарит мясо на заднем дворе его мамы. Она выложила это фото ещё в прошлом году, а лента решила показать мне его сегодня. Я помню этот день так хорошо, так ясно. Как и сотни других.

Прикрываю глаза и падаю обратно в постель. Когда-нибудь ноющая пустота внутри заполнится чем-то другим, новым. И перестанет быть постоянно больно и горько.

Часть меня тянется обратно в Германию, а другая, разумная моя часть, считает, что поводов менять билет на более раннее число, у меня нет.

Возможно, Люда на днях и перегнула палку, ворвавшись с девочками и Морозовым в квартиру, но она хотела как лучше. Откуда ей знать, что творится у меня в голове? Рассказывать и распространяться об этом мне никому не хочется. Даже Машке. Почему-то я уверена: она не поймет меня.

– Какое мороженое хочешь? Фисташковое или шоколадное?

– В смысле, ванильное? Тут такого нет.

– Я скоро буду, поищи нам какой-нибудь фильм на Нетфликс.

Рандомно выбранные сообщения от Филя переносят меня в первый совместный месяц нашего проживания. Чищу под его болтовню зубы и натягиваю штаны для йоги.

Я не разрешаю себе подолгу лежать в кровати. Очень хочется, но нет.

Мне нужно движение, чтобы не сойти с ума.

Свежее майское утро бьет в лицо теплыми лучами солнца.

Расстилаю коврик для занятий на заднем дворе и радуюсь высоким заборам, разделяющим плотно застроенный коттеджами частный сектор.

Физические упражнения меня расслабляют и очищают голову. Растягиваюсь под приятную музыку и чередую циклы осан.

Когда возвращаюсь в дом, там стоит привычная суеда.

– Как можно так рано вставать по собственной воле? – ворчит Люда, с опаской поглядывая на меня через плечо.

Она варит детям кашу, не переставая помешивать её ложкой в кастрюле.

Жадно пью прохладную воду, оставляя её риторический вопрос без ответа. В нашем общении последние несколько дней чувствуется напряжение. Я даже подумываю остаться

на ночь в старой квартире. Кровать там вполне сносная.

Встреча с риелтором назначена сегодня после обеда.

– Даш, не смогу отвезти тебя в город сегодня, проблемы с одним заказчиком, выезжает на объект, – на ходу говорит папа, в одной его руке бутерброд, в другой – папка с какими-то документами.

В глазах дикий блеск, и мыслями он явно уже очень далеко, точно не в доме, полном детей.

– Ладно.

Такси никто не отменял.

– Алёнку надо в бассейн отвезти, поможешь? У нас с Юлей по плану поликлиника, – просит Люда и замирает с поднятой вверх ложкой.

Ставлю стакан на стол и откидываю волосы с лица.

– Соревнования сегодня?

– Нет, – говорит Алёна, – предварительный заплыв перед соревнованиями. Мы с Олей поспорили: которая проиграет, та целый месяц будет покупать другой колу.

– А у вас есть свои деньги? – выгибаю бровь.

– Ей дает Кирилл, а мне папа и мама.

– Там недолго, максимум часа два. Потом мы приедем, и сможешь идти по своим делам, – продолжает уговаривать меня Люда, расставляя перед всеми тарелки. – Пожалуйста, я не могу разорваться.

– Хорошо. К обеду мне нужно на встречу с риелтором, – напоминаю мачехе, она сияет как алюминиевый таз и выхо-

дит с кухни вместе с младшей дочерью.

– Папа даёт больше карманных денег, – шёпотом добавляет Алена.

Я тихо смеюсь, глядя на неё.

– Морозовы, значит, тоже там будут? – хмурюсь, меняясь в лице.

– Нет, сегодня Ольку няня привезет. Она её не любит, но брату надо на работу.

– Откуда ты всё это знаешь? – удивляюсь я.

– Она сейчас написала в ватсап, пожаловалась. Я рада, что ты со мной поедешь. Покажу тебе, как я плаваю, и обязательно выиграю.

Люда остаётся с Юлей дома, а мы с Алёной вместе едем к бассейну. Она тараторит без умолку всю дорогу. Ее болтовня отвлекает меня от чувства тревоги, связанного с нахождением в машине. И я даже пару раз отпускаю дверную ручку. Нервно хватаюсь за неё, только когда таксист резко тормозит или, наоборот, газует.

Мы заходим в здание бассейна, там влажно и пахнет хлоркой.

Алёна сразу идет к раздевалкам, где её ждет Оля.

Девочка приветливо машет мне рукой. Улыбаюсь в ответ.

Подхожу к администратору и уточняю, где можно подождать и посмотреть, как плавают девочки.

Поднимаюсь на второй этаж, там расположено кафе и трибуны для родителей.

Занимаю удобное место, где как на ладони видна ровная гладь воды. Она блестит и переливается в лучах солнца, отдавая бликами в глаза. Прищуриваюсь и опускаю на нос солнечные очки. Кручу в руках стаканчик с кофе и по привычке лезу в карман за телефоном.

Пусто.

Проверяю в другом.

Блин.

Тоже нет.

Меня прошибает холодный пот. Оставила в такси? Или у администратора на входе?

Глупо так переживать из-за телефона, но там столько всего! Вся переписка с Филом с первого дня! Другой не будет! Совместные фотографии! Видео!

Вскакиваю на ноги.

– Блин!

Врезаюсь в кого-то. Солнечные очки слетают лица и падают куда-то вниз. Опускаю глаза, пытаюсь их отыскать, в этот момент кофе выскальзывает из рук и с грохотом падает на белый кафель кафетерия. Коричневая жидкость разлетается фейерверком брызг, орошая собой мои джинсы, кроссовки и моего соседа, в которого я только что имела неосторожность влететь.

– Извините... – бубню я и присаживаюсь, чтобы поднять бумажный стаканчик с остатками капучино. Из остатков там разве что пышная белая пена.

– Ничего, – произносит Кирилл, ставит кожаный рюкзак на трибуну и достает мне из него салфетки.

Я даже не удивлена его нахождению рядом. Просто хмурюсь, разглядывая мокрые капли на его обуви.

– Ты что тут делаешь?

– Это теперь единственный вопрос, который ты будешь мне задавать при встрече? – хмыкает он.

– Возможно. Ещё чуть-чуть, и мне будет казаться, что теперь ты меня преследуешь.

Кирилл усмехается и протягивает новые салфетки, теперь влажные. Я пытаюсь очистить ими пятна внизу на своих джинсах. Морозов нагибается и протирает свои кроссовки. Мы почти сталкиваемся лбами. Двигаюсь чуть левее, чтобы этого не произошло. Протираю ещё раз пол рядом с собой. Один стакан кофе, а такое ощущение, что произошло маленькое цунами.

– Мне сказали, что тебя сегодня не будет, – говорю я, выпрямляясь, и смотрю сверху вниз на его тёмно-русую макушку.

На Кирилле сегодня голубая рубашка, рукава которой он закатал по локоть, и тёмно-синие джинсы. Из рюкзака торчит край ноутбука.

– Отпустил няню. Поработаю тут, пока Оля плавает. На соревнования, скорее всего, не смогу приехать, поэтому ей будет приятно, что сейчас я здесь.

– Ты молодец, – вырывается у меня.

– Я стараюсь быть хорошим братом, насколько могу, – говорит Кирилл.

Он поднимает голову и встречается со мной взглядом. Мы смотрим друг на друга несколько секунд, не моргая, и одновременно произносим:

– Кажется, тебе нужен новый кофе.

– Я потеряла телефон.

Растеряннo оглядываюсь по сторонам и заправляю волосы за уши.

Боже, я без телефона словно голая.

Очень некомфортно. Остро ощущаю нехватку привычной вещи. Как я могла его где-то забыть? За последние полгода смартфон буквально прирос к моей руке.

– Где ты его видела последний раз? – спрашивает Кирилл, доставая из заднего кармана джинсов свой мобильный и снимая его с блокировки.

Пролистывает список контактов и нажимает кнопку вызова. Включает громкую связь. Экран отсвечивает, но я легко угадываю по первым буквам своё имя.

– Кажется, около администратора или в такси, – морщю лоб и машинально тру шрам на лбу.

Морозов провожает мою руку взглядом. Отдергиваю её и прячу за спину. Кирилл задерживается на отметине, которая всегда будет напоминать мне об аварии. Ничего не говорит и ничего не спрашивает. За это я ему благодарна. В последнее время мне приходится отвечать на слишком много вопросов,

связанных со шрамом.

– Гудки идут, – говорит Кирилл и поворачивает свой телефон ко мне.

Как загипнотизированная смотрю на экран и прислушиваюсь. Может быть вибрирует где-то рядом?

– Он на беззвучном у меня, – тихо говорю я.

У бассейна слышатся голоса детей. Смотрю туда. Разноцветная толпа в резиновых шапочках появляется из раздевалки.

Наши сёстры в толпе прочих выходят одна за другой и машут нам руками. У них на головах синие шапочки для плаванья. Купальники тоже синие. Выглядят, как близняшки. Даже с этого расстояния видно, как на лице Оли расцветает улыбка, когда она видит Кирилла. Машет ему интенсивнее. Он приветливо поднимает руку и тоже ей улыбается.

Я смотрю на него во все глаза и не понимаю, как так вышло, что сейчас я нахожусь здесь рядом с ним. Внизу его сестра, а сам он помогает найти мой телефон, набирая номер снова и снова.

В уголках его глаз собираются лучики морщин, на которых я подвисаю, разглядывая его. Он стоит очень близко. Вторгся в зону моего комфорта, и я сама это позволила.

Делаю шаг назад, сжимая в руках ворох мокрых салфеток пропитанных кофе.

– Я спущусь, спрошу на стойке информации про телефон, – говорю ему и, развернувшись, устремляюсь к ступень-

кам.

7 Глава

– У вас точно его нет? – в третий раз с надеждой спрашиваю я.

Девушка-администратор, миловидная пухленькая брюнетка, приподнимает папку со стола, демонстрируя полное отсутствие лишних предметов на её рабочем месте.

Компьютер, клавиатура, мышь и точно такой же стакан с кофе, как был у меня.

У охранника, который скучает на входе в бассейн, мы тоже только что спросили. Телефон он не видел. Какова вероятность, что я оставила его на сиденье в такси?

– Точно. Оставьте свой номер, если нам кто-то принесет ваш мобильный, мы с вами свяжемся, – говорит она.

– Какой номер? Я телефон потеряла!

– Не тот, который потеряли, другой, по которому с вами можно будет связаться, – девушка начинает терять терпение и смотрит на меня как на дурочку, но я в такой растерянности и сначала правда не понимаю, что она имеет в виду.

– Ладно. Хорошо. Сейчас.

Как назло, в голове нет ни одного набора цифр, который бы я помнила. Есть только номер Фила, только его помню наизусть. Но какой от этого толк теперь?

Отхожу от стойки информации, уступая место другим людям, за мной образовалась небольшая, но недовольная оче-

редь.

Когда поднимаюсь по ступенькам назад, вверх к трибунам и кафетерию, не перестаю оглядывать пол в надежде увидеть свой тёмно-зелёный в горох чехол. Это не первый раз, когда я теряю мобильный, однажды он выскочил у меня из кармана куртки и угодил прямым в февральскую лужу.

Я обнаружила плавающий смартфон спустя десять минут тщательных поисков. Просто повезло, что дорога от дома до колледжа в Германии была короткой и прямой. Это было в прошлом году. Кажется, как раз тогда я сделала последний раз резервную копию. С тех пор эта важная функция напроць вылетела у меня из головы.

Получается, какие-то фотографии, видео и сообщения у меня всё-таки будут. Это в худшем случае, если телефон я так и не найду.

Когда я нервничаю, у меня мёрзнут руки и потеют ладони. Перед тем, как вернуться к своему месту, где я непредусмотрительно оставила свою сумку возле Морозова, украдкой вытираю руки о джинсы.

Кирилл сидит, вытянув ноги, на коленях которых покоится раскрытый ноутбук. Ухом он прижимает телефон к плечу и с кем-то разговаривает. Будто чувствует моё приближение и вскидывает глаза. Поспешно сворачивает разговор и отключает телефон, когда я сажусь через два кресла от него.

– Не нашла? – спрашивает Кирилл.

– Там нет. Тебе не ответили?

– Тоже нет. По работе звонили, сейчас ещё наберу.

– У тебя нет номера Алёнки? – говорю, подавшись вперед и опираясь на стеклянное ограждение локтями.

Наши сёстры сидят на скамейках внизу, склонив головы в синих купальных шапочках, о чём-то болтают с другими ребятами.

– Есть.

– Можешь записать его на листке? Я отнесу администратору. Если они найдут мой телефон, то позвонят ей.

– Думаешь, это хорошая идея?

– А что не так? – непонимающе хмурю брови и поворачиваю голову к Морозову.

Мне так непривычно находиться сейчас с ним рядом. Вести почти человеческую беседу, не оглядываясь на наше совместное прошлое. Я правда почти не вспоминаю то, что было между нами. У меня другая драма, в которой ему нет места. Сейчас он просто старший брат подруги моей сестры, который оказался сегодня здесь.

В данный момент меня почему-то не тяготит общение с Кириллом. Может, потому что мы когда-то неплохо общались? Пока я его не достала – напоминаю себе и беззвучно хмыкаю.

Морозов сидит через пару пластиковых стульев красного и синего цвета от меня и задумчиво крутит в руках свой тонкий смартфон.

– Вдруг ей позвонит какой-нибудь взрослый мужик вме-

сто девушки-администратора? Ты так легко хочешь оставить её номер, ей всего десять... просто подумай об этом, – серьезно говорит Кирилл и смотрит вниз на сестру, хмуря брови. – Я постоянно теперь думаю о чем-то подобном.

Кирилл в этот момент мало похож на того парня, любовь к которому я возвела для себя в культ. Я не узнаю его. Не испытываю к нему отвращения или чего-то подобного. Хотя головой понимаю, что должна. Он плохо поступил со мной. Но всё же не виноват в том, что не смог полюбить меня. В нашем случае звезды сошлись иначе. В какой-то степени я ему даже благодарна: если бы не Кирилл Морозов, я бы никогда не встретила Филиппа Ламс. Никогда не узнала бы, каково это, когда любят тебя и когда ты любишь так же сильно в ответ. Так сильно, что внутри всё разрывается на мелкие атомы, а жизнь замирает... когда обрывается другая жизнь.

Кирилл сводит густые брови на переносице и хмурится, подпирая пальцами подбородок. Часть его мыслей теперь всегда занята сестрой. Ему двадцать пять и он взял на себя ответственность о десятилетнем ребенке. Я искренне рада за него. Он идет своей дорогой. Параллельно моей, к счастью.

– Я... я... – теряюсь на секунду с ответом, – наверное, ты прав. Плохая идея. Что же делать?

Спрашиваю больше себя, чем его. У меня с собой нет телефона Люды или отца, но я почти уверена, что у Морозова они есть. Но хочу ли я получить потом от них десять тысяч расспросов?

– Оставь мой номер. Мы живем здесь недалеко. Найдут его, я заберу и передам через твою сестру.

– Спасибо. Может, ты думаешь, что глупо так переживать из-за какого-то моби́льни́ка. Но там очень много личного для меня. Я бы хотела вернуть его назад.

Я не хочу ни видеть, ни слышать никого лишнего. Просто живу в своем вакууме. Телефон – это моя ниточка в прошлое. Такая маленькая возможность услышать Филиппа вновь. Я больше никогда не смогу с ним поговорить. Зато он так много наболтал для нас двоих.

– Ничего подобного я не думаю, – улыбается мне Кирилл.

Внизу слышится всплеск воды, первые ребята готовятся к предварительному заплыву.

Морозов встает со своего места, складывает ладони рупором около рта и кричит подбадривающие слова Оле.

Мои губы трогает лёгкая улыбка.

После всего, что было в моей жизни, мне сложно найти контакт с новыми людьми. Я тяжело впускаю в свою жизнь всё новое. Я даже сериалы пересматриваю одни и те же по кругу. На моем столе лежит всегда одна книга, которую я знаю почти наизусть.

Если друзья, то проверенные временем, если любовь, то только та, что живет в моем сердце и воспоминаниях.

Полтора года назад

– Не подглядывай, – притворно грозно говорит Фил.

Отдергиваю руку от повязки на глазах. Хочу закатить их, жаль он этого не увидит, поэтому просто цокаю языком. Несколько раз.

– Вообще-то, я ненавижу сюрпризы. – Покорно складываю ладони на колени, и поворачиваюсь в сторону, где по логике должно быть окно.

Фил хмыкает слева от меня, показываю ему язык и опять отворачиваюсь. Пытаюсь скрыть улыбку, которая никак не хочет слезать с моего лица.

Его рука ложится на моё голое колено и несильно сжимает.

– Этот сюрприз тебе понравится. Не сомневайся.

– Ты, как всегда, дичайше самоуверен.

– Что поделаешь, если я такой, – тихо смеётся Филипп, не переставая поглаживать мою ногу.

По телу бежит табун мурашек. Ветер из окна треплет мои волосы. Повязка добавляет пикантности ситуации, и я кусаю губы в нетерпении. Хочется поскорее узнать, куда он нас везёт.

Сегодня наша годовщина. Ровно год с того самого дня, как мы оба вышли из френдзоны и перевели наши отношения на другой уровень.

Мне было отчаянно страшно довериться другому человеку снова.

Но Филипп, он такой... другой. Ни на кого не похож. Особенный для меня.

Он всё делал для нас двоих постепенно. Знал про мой страх сближения и ждал. Долго ждал. Самый терпеливый мужчина на свете. Мой.

Я люблю его.

Я так сильно люблю его.

Это осознание пришло недавно. Меня как молнией ша-рахнуло, и всё, что было до... стёрлось. Эта любовь – она другая, взрослая. Не то, что я испытывала к Кириллу Морозову. Меня от этих чувств так не штормит, не кидает из стороны в сторону. Эмоции присутствуют, но они совершенно другие. Глубокие, чувственные, пробирающие до самых кончиков пальцев.

Сердце замирает каждый раз, когда я вижу входящий от Фила или знаю, что он ждет меня в машине около дома. Впервые я думаю о том, что хотела бы прожить свою жизнь вот так. С одним человеком. С момента, как мы встретились, и до самого конца.

– Фил...

– Мм?

– Я тебе доверяю.

– Я польщён, малышка. Надеюсь, тебе понравится мой подарок. Если нет, мы его просто вернём.

Он переплетает наши пальцы и нежно целует моё запястье, там, где бьётся венка. Пульс, как всегда, просто зашкаливает от близости! Я жмурюсь под повязкой и откидываю голову на спинку сиденья.

– Надеюсь, это будет не собака! Мы не сможем её вернуть! Я полюблю её всем сердцем и вернуть не смогу! А у мамы аллергия! Если это собака, она будет жить у тебя. До того момента, пока мы не снимем квартиру! Боже, у твоего папы же тоже аллергия! Если это собака... я не знаю, что мы будем делать, – шепчу в панике, когда мы приезжаем на место и выходим из машины.

– Что ты бубнишь там? Просто переставляй ноги, – смеётся Фил, его рука на моей талии, и он направляет меня. – Выше!

– Это что, лестница? Куда она ведёт? Я боюсь высоты! Ты же не заставишь меня прыгать откуда-то?

– Да-ша!

– Что?

– Обожаю тебя! Мы почти пришли.

Пытаюсь всмотреться в крошечную темноту. Конечно, это оказывается бесполезно. Как только я села в машину, Филипп завязал мне глаза плотной тканью. Ни от кого больше я бы подобное терпеть не стала. У меня проблемы с доверием, и мой парень знает об этом. Фил отпускает мою руку. Слышу какое-то шуршание, скрип. Нервы как канаты. Звенят от напряжения. Жутко любопытно и немного потряхивает. Пытаюсь вслушаться в каждый шорох. Это ведь точно не собака? Тогда я бы услышала лай и скулёрж.

Я не люблю сюрпризы, потому что мне никто их никогда не делал. Я всю жизнь была влюблена в одного человека, у

меня даже свиданий нормальных ни с кем не было, не то что отношений. Присутствовали лишь жалкие попытки.

– Эй! – кричу, вдруг понимая, что уже прошло достаточно времени, а Фила словно след простыл. – Ты решил меня бросить?

– Не в этой жизни, малышка, – раздаётся прямо позади меня.

Ласковое дыхание касается плеча. Тепло бежит по венам и концентрируется внизу живота. Фил прижимается на секунду губами к голой коже и снимает повязку.

Я щурю глаза и несколько раз моргаю.

Что это?

Длинный светло-серый коридор тянется на несколько метров прямо. Вдоль стен располагаются одинаковые темные двери с маленькими табличками нумерации, прибитыми по центру. Одна из дверей, ближняя к нам, открыта.

Из глубины квартиры падает свет, приглашая переступить порог и войти внутрь.

Я не могу удержаться и делаю шаг вперед, прижимая руки к груди.

Боже... если это то, о чём я думаю, то Фил Ламс – волшебник!

Мы столько раз говорили с ним о том, чтобы начать жить вместе. Но всё время что-то мешало. То его разъездная работа, то квартиры не подходили или были слишком далеко от моего колледжа. Чтобы записаться на просмотр сдающихся

квартир, уходили недели! Я уже отчаялась, что это возможно.

– Где мы? – спрашиваю сиплым голосом.

Филипп так и остался стоять сзади. Он подходит ближе и обнимает меня, прижавшись всем телом. Устраивает подбородок у меня на макушке и медленно качает в своих объятиях, шепча на ушко:

– Дома.

Концентрация счастья в моей крови достигает пиковых высот. Я разворачиваюсь в его руках и со счастливым визгом висну у него на шее.

– Люблю тебя!

8 Глава

Риелтор опаздывает. Я даже позвонить ей не могу и узнать, приедет ли она на встречу.

Блуждаю уже час по совершенно пустой квартире и заламываю руки. Часть мебели я оставила, что-то помогли выбросить папины рабочие. Кухонный гарнитур демонтировал и увез себе на дачу папин друг. Всё равно новые хозяева будут менять здесь всё под себя.

Целых четыре часа я руководила волосатыми потными дядьками, показывая им, куда и что перетаскивать из мебели. Часть выставила на продажу по минимальной стоимости. Но пока я не могу узнать, нашлись ли покупатели. Всё упирается в потерянный телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.